

ОСОБЕННОСТИ «ДУШИ» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

В. М. Золотухин, Е. Ф. Казаков

FEATURES OF THE "SOUL" OF THE RUSSIAN CULTURE

V. M. Zolotuhin, E. F. Kazakov

В статье рассматриваются особенности «души» русской культуры и ее характерные черты, специфические качества и жизненный опыт. Если для О. Шпенглера душа русской культуры находится в стадии формирования, то для Ф. М. Достоевского она – гений «народа русского». Подчеркивается преобладание в России женского начала, связанное с культом земли-матери и культом Богоматери. Идея свободы (Н. А. Бердяев) переплетается с идеей соборности. Отмечается, что своеобразием души русской культуры является её «кричащая» неоднородность: «великий разрыв» между желаемым и действительным, самопревознесением и самоуничтожением, святостью и грехом. Это свидетельство её сложности, напряжённости; но в то же время – доминанты частей над целым, многовекторности, дезинтеграции.

The paper discusses the features of the "soul" of the Russian culture and its characteristic features, specific qualities and life experiences. For O. Spengler, the soul of the Russian culture is still developing, while for F. M. Dostoevsky, it is the genius "of the Russian people". The authors emphasize the predominance of femininity in Russia, associated with the cult of the earth-mother and the cult of the Virgin. The idea of freedom (N. A. Berdyaev) is intertwined with the idea of unity. It is noted that the uniqueness of the soul of the Russian culture is its "screaming" heterogeneity, "the great gap" between the desired and the actual, self-exaltation and humiliation, Holiness and sin. It is a testimony to its complexity, tension; but at the same time – dominant parts on the whole, multidirectional, disintegration.

Ключевые слова: душа, духовность, культура, душа культуры, русская душа, соборность, терпимость, женственность, противоречивость.

Keywords: the soul, spirituality, culture, soul of the culture, the Russian soul, unity, tolerance, femininity, inconsistency.

Культура – это символически выраженная смысловая целостность, в которой реализует себя душевная жизнь; это форма ("язык", "образ", "картина"), объективация, "тело" души [11, с. 110, 258, 298, 394]. Душевная жизнь образует культуру путём саморефлексии, внутреннее содержание жизни становится предпосылкой культуры; предстающей "осуществлением душевных возможностей", "итогом ставшего и чувственного выражения души" [11, с. 258, 400].

В основе культуры – душа. Душа – это внутренняя нематериальная жизнь человека, народа; «чувствительность» (Аристотель), совокупность религиозных, нравственных, эстетических переживаний. Пока культура сохраняет "глубоко интимную, сокровенную связь" с душевной жизнью – она жива. Культура появляется только там, где появляется целостность души [11, с. 264]. О. Шпенглер вводит понятие "душа культуры", определяя его как "первообраз культуры", "освобожденный от всего затемняющего и незначительного" и лежащий в её основе [11, с. 167, 170]. Под «душой культуры» О. Шпенглер понимает нечто нематериальное, но запечатленное в особенностях живописи, музыки, архитектуры, поэзии, научного мышления. «Всемирная история – суть общая биография культур» [11, с. 262]. У каждой из них есть своя «собственная психология, собственный стиль знания людей и жизненного опыта» [11, с. 483]. "Душа культуры" – это "целостный микрокосм", стремящийся к самоосуществлению. Культура постоянно "культивирует", пролагая, "путь души к себе самой" [4]. Сущность культуры – религия [11, с. 472]. В своем становлении душевная жизнь необходимо взаимодействует с трансцендентным.

Каждая культура имеет душу, которая определяет отношение к прошлому, смерти, миру и месту человека в нём. «Душа» в сконцентрированном виде несет в себе своеобразие человеческой жизни. Ей свойственны целостность, внутренняя различность, процессуальность, открытость, творческая интенция» [4, с. 477, 480]. «Душа» понимается и как субъект, и как процесс, и как важнейший объект (наряду с телом и внешним миром) «потока» человеческой жизни» [6, с. 7]. Культура находит самовыражение в коллективной душе народа. Каждая культура имеет душу, которая раскрывается через символы исторической эпохи.

Рассмотрим своеобразие «души» русской культуры, как оно представлялось мыслителям прошлого, и как оно видится сейчас. «Русская, безвольная душа, – пишет Шпенглер, – анонимно тщится затеряться в горизонтальном братском мире. Помышлять о ближнем, отталкиваясь от себя, нравственно возвышать себя любовью к ближнему, каяться ради себя – все это выглядит антиподом западного тщеславия и кощунства, как и мощное взыскание неба наших соборов в противоположность установленной куполом кровельной равнине русских церквей» [11, с. 489]. «Холмообразная церковная крыша почти не выделяется на фоне ландшафта и торчат на ней шатровые коньки с кокошниками, маскирующие и нейтрализующие обращенность вверх. Они не возносятся подобно готическим башням и не покрывают, подобно куполам мечети, но именно торчат, подчеркивая горизонтальность строения, которому угодно быть на виду с исключительно внешней стороны» [11, с. 368]. Душа русской культуры, по мнению О. Шпенглера, находится в стадии формирования, в мучительном творче-

ском поиске. Ее прасимволом является бесконечная равнина, выраженная в церковной архитектуре.

По О. Шпенглеру, будущее в России принадлежит христианству Ф. М. Достоевского, который в своем творчестве стремился раскрыть характерное для русской души личностное начало. Христианская идея свободной личности как Образе и Подобию Бога сложилась в православии. «Русская душа... гений народа русского, может быть, наиболее способна из всех народов вместить в себя идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего неисходное, снимающего противоречия» [3, с. 131].

В книге «Судьба России» Н. А. Бердяев говорит об «антиномичности» русской души. Россия – самая безгосударственная и анархичная страна и одновременно это вольная держава, с которой должны считаться все государства мира, самая бюрократическая, обожающая свой народ. «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей. Им можно очароваться и разочароваться, от него всегда можно ждать неожиданностей, он в высшей степени способен внушать к себе сильную любовь и сильную ненависть... Противоречивость и сложность русской души, может быть, связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад... она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное. Есть соответствие между необъятностью, безграничностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безграничность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине... У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы. Русский народ не был народом культуры... он был более народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности... Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [1, с. 5 – 6].

Православие сохранило верность древним истокам христианства, единство церкви, чистую веру. В русском человеке живет «хоровое чувство», «соборность», смирение, готовность к самоотречению; это цельность русской души, единство личного и общественного. В России необъятность земельных владений вызывает представление о необъятной мощи и непобедимости русской земли, отсюда экстенсивность русской жизни и культуры. Земля представлялась всегда заступницей русского народа, а материнство –

основной категорией его мировоззрения. В России преобладает женское начало, связанное с культом земли-матери и культом Богоматери. Наряду с идеей свободы, в философии Н. А. Бердяева утверждалась идея соборности. Соборность он понимал как «единение людей между собой и всех вместе – с церковью». Человек – не самодостаточен, не должен замыкаться в самом себе, необходим выход за собственные пределы – трансцендирование, переход от личности к личности, от духа к духу.

По мнению Н. О. Лосского, «Бердяев отнюдь не предлагает отменить этику закона или легальные формы общественной жизни. Он просто требует терпимости в борьбе со злом и указывает на более высокую стадию нравственной сознательности, чем этика закона. Эта более высокая стадия находит свое выражение в этике искупления и любви к Богу: она основана на появлении богочеловека в мире и принятии им страданий из любви к грешникам» [7, с. 278].

Сам же Н. О. Лосский утверждает, что основные нравственные идеи заключены в десяти заповедях и ими определяется общее достоинство всего человечества. Он отмечает: «различие норм поведения у разных народов и лиц часто используется как довод в пользу этического релятивизма и скептицизма; но этот довод поверхностный, он теряет силу, когда удается узнать... какие ценности осознаны народом и служат целью его стремлений» [8, с. 96]. Одним из важных компонентов у него является следующее: «личность не замкнута в себе и находится в теснейшей связи со всеми существами всего мира» [8, с. 98]. Реальность этого возможна только через любовь, т. е. принятие в свое сердце чужой индивидуальности. Как следствие этого: моральный закон есть необходимый элемент достижения полноты бытия, а его исполнение есть абсолютное благо.

Ставя во главу угла личность и ее самоопределение, персонализм Н. А. Бердяева возводит «терпимость» в моральный принцип (прежде всего как отношение человека к другим), в основе которого – уважение к другим и многообразие «идеологических позиций», взаимоуравновешивающих друг друга и имеющих ценность. Принцип терпимости приобретает значение духовной ценности и необходим как условие стабилизации общественной жизнедеятельности.

По убеждению И. А. Ильина, в русском народе «все основано не на моральной рефлексии, не на «проклятых долге и обязанности», не на принудительной дисциплине или страхе греховности, а скорее «на свободной доброте и на несколько мечтательном сердечном созерцании» [5, с. 184]. «Умного человека в России почитают, перед волевым склоняются, фантазерам дивятся, но более всего любят человека сердечного, а если он к тому же и совестливый, то его почитают превыше всего как своего рода святого или, в понимании русских, как сосуд Божий» [5, с. 184]. И. А. Ильин глубоко и убедительно раскрыл и такие черты русской души, как ласковое добродушие, спокойствие, общительность, открытость, щедрость, гостеприимство. Характеризуя русскую душу, И. А. Ильин показал, что ей присуща изначальная естественность. Русский человек эмоционален, общителен, уча-

стлив. Он – темпераментный, не знает страха перед стихийными силами природы. К природным дарованиям русской души И. А. Ильин относил и собственно жизненную силу, под которой понимал «душевную приспособленность, неизрасходованность», «духовную одаренность», делавшую душу щедрой, доброжелательной, отзывчивой на «чужую» боль и беду. В русской культуре творящим актом является «сердечное видение и религиозно совестливый порыв»; она построена «на чувстве и сердце, на созерцании, на свободе совести и свободе молитвы. Это они являются первичными силами и установками русской души, которая задает тон их могучему темпераменту» [5, с. 180]. От природы русскому дана склонность к созерцанию, философскому вчувствованию реальных и духовных черт мира.

Что же можно сказать о «душе» русской культуры с точки зрения сегодняшнего дня, какова она *новая русская душа*? За исключением экстремальных ситуаций Россия мало проявляет себя во *внешнем* действии, но не в силу непоследовательности или нецелестремленности. Действие не очень органично для женственной русской души. Россия – больше не страна действия, а страна слова. Говорить («по душам») и слушать (от «развесистой клюквы» до «пламенной речи») у нас любят. Если на Западе дело – это дело («лучшее слово – это дело»), то в России *слово – это дело*. Посредством дела человек вступает во взаимодействие с миром на внешнем, материальном (телесном) уровне. В превращении в дело заинтересовано слабое слово, незавершенное, несамодостаточное, ущербное. Если же слово «угадано» (в смысле формы, места и времени), то оно подобно вспышке сверхновой звезды, «впечатывается» во внутреннюю вселенную человека с такой силой, что остается там навсегда. У слова – более прямой и короткий путь в душу, чем у дела. Слово не надо переводить на «язык души» (оно изначально говорит на нём), в отличие от дела (которому достучаться до однопорядкового тела гораздо легче; оба они существуют во внешнем, относительно души, пространстве).

Слово – теургичнее, чем дело, так как оно непосредственно взаимодействует с духовной реальностью. Оно – проводник, связующий души людей, душу человека с «душой мира», непосредственно воздействуя на сущностное в человеке. Именно поэтому «поэт в России – больше, чем поэт» (Е. Евтушенко).

Более адекватным для России является общение с миром на до/сверх/материальном, метафизическом уровне (молитва, звукопись, образ). Для выполнения теургической роли слову не обязательно быть «озвученным», достаточно быть «чистым», не отягощенным материей. Материализуясь (облекаясь в «одежды мира»), слово теряет надмирность, заземляется. Поэтому «мысль изреченная есть ложь» (Ф. И. Тютчев). И молитва и стихи – это путь к Великому Предвечному Молчанию. Внутреннего слова для *душеделания* достаточно. А русская культура – это, прежде всего, культура души.

Россия – страна Слова, но не любого, не слова вообще, а слова правдивого, праведного, совестливого, одухотворенного. Для России Слово – это колокол, будящий души; горная птица, прилетающая в мир

дольный и забирающая с собой; лестница, по которой можно добраться до Бога. Ракета не приближает человека к Первослову, с которого начался мир («В начале было Слово...» (Ин. 1:2) и которым он завершится: «Слово будет в конце» (Августин). Человек – «слово, облеченное плотью» – является связующей нитью между Первословом и ПослеСловом. Конечно, Россия ценит действие, но не больше, чем другие народы. К слову же какое-то особое, трепетное, мистическое отношение. Русская птица-душа чувствует сакральное родство с птицей-словом. Они – «одной крови», из одной вышней родины. Первослово влечёт как ПервоРодина. Российская жажда Слова имеет ностальгический привкус.

Но где образ – там и Противобраз, где Христос – там и Антихрист, где Икона – там и Антиикона, где Слово – там и Антислово. Слово лечит, спасает, утешает, благословляет; но и уродует, разрушает, обманывает, уничтожает. В «десять слов, которые потрясли мир», подняв Россию в небо и опустив в преисподнюю, входит шестисловие Спасителя («Будьте совершенны как совершенен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48) и четырёхсловие Ниспровергателя («Пролетарии всех стран, соединяйтесь» (К. Маркс, Ф. Энгельс). Потрясают русскую душу и те и другие слова, и потрясение нередко опережает разумение...

Движение к Все-объемлющей Целостности, Все-исцеляющему Слову не может не быть движением к Все-Слову, Бого-слову. Именно поэтому «на верхних ступенях лестницы познания находятся не учёные и философы, а святые». Святые ближе всех к Богу, значить ближе к Истине, к Первослову. Устами святых (и «маленьких святых» (В. В. Розанов) – младенцев) «глаголет Истина». Поэтому к словам юродивых (через которых Божье Слово нисходит в чистоте) в России такое трепетное отношение. Поэтому самый красивый храм в сердце России посвящён именно блаженному (Василию), именно Словочеловеку. От человекослова к Словочеловеку – путь метаисторического восхождения русской души.

В сакраментальной фразе «Пушкин – наше всё» имманентно присутствует «Слово – наше всё». И не только потому, что женственная русская душа «любит ушами»; но и в силу того, что органичной для русской души явилась христианская заповедь смирения и недеяния. Антиномичная русская душа, преисполненная «страстью бесстрастной», устремлённая к «Невесте Невестной», нашла адекватный своим глубинным истокам способ самовыражения в *Слове как деянии недеяния*. Человекослово призвано стать Словочеловеком через богосотворчество, *со-слобие с Богословом*.

«Любить по-русски» – более диалог душ, чем «сочетование» тел. Запредельный накал любовного чувства выражается не через действие, а через слово, чему свидетельство – русская литература [2]. И ныне популярность «людей слова» (политиков, аналитиков, журналистов, артистов) явно пикируется с непопулярностью «людей дела» (чиновников, финансистов, предпринимателей, «простых работяг»). Несмотря на инфляцию слова, от него сохраняется магическая зависимость, словно русский человек желает быть обманутым (но до того, как это выяснится, попарить в

сладких маниловско-обломовских грёзах). «Ах, обмануть меня не сложно. Я сам обманываться рад», – как сказал А. С. Пушкин.

Каждый человек – это слово, «облечённое плотью», или «текст», или словечко, или антислово. Слова рассыпались, заблудились, обесценились; и поэтому не складываются во-Едино (люди – рассыпавшиеся слова одного Первослова). Человек пытается существовать без Слова, слово пробует существовать без человека (информационные Монбланы, которые никому не удастся покорить). Слово, рождённое человеком, существует в определённой степени самостоятельно как некая автономная нематериальная сущность (слово-монада); оказывается возможным вступать в теургическое взаимодействие непосредственно со словом как с живой субстанцией, замещающей живого человека.

Русский человек с детским любопытством пробует слово «на вкус», оно «вертится на языке», «вынашивается», «сплывывается», «растекается по древу»; летает с такой «сверхворобьиной» скоростью, что его невозможно поймать; пишется с такой силой, что его «не вырубить и топором». Слово в русской культуре ведёт какую-то собственную, не очень нам понятную и подвластную жизнь; не нуждаясь в превращении в дело в силу своей самоценности. Слово – больше «меня» и – равновелико России... и больше России.

Своеобразием души русской культуры является её «кричащая» неоднородность: «великий разрыв» между желаемым и действительным, самопревознесением и самоуничижением, святостью и грехом. Это – свидетельство её сложности, напряжённости; но в то же время – доминанты частей над целым, многовекторности, дезинтеграции. Данный конфликт проявляется в расхождении между внутренней и внешней жизнью: показная воцерковлённость, гламурно-глянцево-квасной патриотизм. Русская душа одновременно мчится на божественном «белом крылатом коне» (икона «Чудо Георгия о Змие») и демоническом «красном крылатом коне» («Купание Красного коня» Н. Петрова-Водкина).

На рубеже XIX – XX веков в душе русской культуры явно воссияла святость (новый религиозный ренессанс, общероссийский авторитет св. Иоанна Кронштадтского). Многие поэты, художники, композиторы почувствовали дыхание Царствия Небесного, близость Спасителя и засвидетельствовали это в своих произведениях («Двенадцать» А. Блока, «Поэма экстаза» А. Скрябина, «Исход» М. Шагала). Русская философия (развертывая идею Филофея о «Москве как III Риме») доказывала, что Россия – страна-Мессия, «мировой Христос», русский народ – «народ-богоносец». Россия провозгласила себя носительницей планетарной миссии, в которой видела своё земное и небесное предназначение (спасение человечества через христианско-коммунистическую идею); но которую исполнить оказалась не в состоянии. Это можно определить как *кризис культурной самоидентификации*.

Если бы самоидентификация была адекватной, святость удержала бы Россию от «поправления греха грехом» (В. В. Розанов). Торжества христианства в

русской душе не произошло: ведущей доминантой оказалось не богочеловечие, а человекобожие (вылившееся в попытку построить на Земле рай без Бога; спасти тело, не спасая душу). Но не спасая свою душу, невозможно спасти души других («врачу, исцелися сам»). «Спасёшься сам, спасутся тысячи вокруг» (С. Саровский); погибнешь сам – погибнут тысячи вокруг. И вот результат: ныне мало кто ищет союза с Россией, *некого спасать... придется спасать себя*.

И всё же идея о мессианской роли России не оказалась полностью декларативной, но, как показывает история, заключалась эта роль в другом. Именно Россия оказалась страной, оказавшейся способной остановить геополитические волны агрессии, идущие с востока на запад (татаро-монгольское нашествие) и с запада на восток (нашествие Наполеона и фашизма); только Россия оказалась способной противостоять экспансии США, создав паритетный ядерный потенциал, необходимый для её сдерживания, восстановив тем самым баланс сил, необходимый для мирного развития.

Эта умиротворяющая роль России обусловлена глубинными архетипами, доминирующими в её ментальности. Важнейшим архетипом души русской культуры является образ Божией Матери с младенцем. Именно к Матушке Небесной обращены, прежде всего, молитвы и упования русского народа. Именно Царица Небесная является Заступницей и Предстательницей России пред Богом. Именно Дева Мария покровами своих одежд хранит Россию. Именно на Её милость, помощь и любовь уповала Россия в минуты самых тяжких испытаний.

О женственности («бабском характере» (Н. А. Бердяев)) души русской культуры писали многие русские мыслители, отмечая её нерациональность, эмоциональность, спонтанность, терпение, смирение, покорность, жертвенность... Всё самое важное в жизни русского человека соотносится, прежде всего, с образом Матери: Мать-Родина, Мать-Природа, Мать-Сыра-Земля, Матушка-Церковь, Матка-Правда и, наконец, Богоматерь. Именно Богородица считается Хранительницей, Заступницей и главным Упованием России. В русском религиозном народном сознании, по мысли Г. П. Федотова, Богородица «остаётся связанной с человечеством, страждущей матерью и заступницей... В образе Её, не юном, не старом, словно безвременном, как на православной иконе, народ чтит небесную красоту материнства... Однако красота Её подернута дымкой слез» [10, с. 49]. Миссия России, прежде всего, – не внешняя активность, а вынашивание своей младенческой души, младенческой души человечества. Именно образ Божией Матери с младенцем наиболее адекватно выражает и потенциальное и актуальное начала души; детское и родительское; становящееся и вечное. Материнская миссия России – в том, чтобы не принуждать, а вразумлять, утешать, отмаливать; утишать бури, быть «буфером» между враждующими силами, «гася» волны агрессий, залечивать раны мира. По мнению В. Ф. Одоевского, в святом триединстве веры, науки и искусства Россия найдет то спокойствие, о котором молились все искатели гармонии, ибо «Запад произвел все, что могли произвести его стихи, но в беспокойной, ускоренной

деятельности он дал развитие одной стихии и задушил другие: в результате потерялось равновесие. Чтобы достигнуть полного, гармонического развития основных общечеловеческих стихий Запад изобретает себе законы, не отыскивая в себе их корни; в мире науки и искусства переплелись не стихии души, но стихии тела; потерялось чувство любви, чувство симпатии, даже чувство силы, ибо исчезла надежда на будущее; в материальном опьянении Запад предаёт на кладбище мыслей своих великих мыслителей – и топчет в грязь тех из них, которые сильным и святым словом хотели бы закласть его безумие» [9, с. 181].

Слабая оформленность бытия на уровне сущности самого глубокого порядка и обуславливает «рассыпанность», аморфность души русской культуры, её непоследовательность, метания от Лавры к пороку, от Богочеловека к недочеловеку («человеческому материалу»). Россия, выпадая из своего «гнезда», оказывается то «выше», то «ниже» себя; скорее, одновременно пребывая и «выше», и «ниже». Эти колебания и делают будущее непредсказуемым и ненадёжным. Слабая связь настоящего с будущим, вечным, «я» – с «мы», толкает быть «временщиком», жить одним днём, думая лишь о себе (отсюда – потребительство, гедонизм, халатность, расхлябанность, вседозволенность, безнаказанность). Забота о себе не становится заботой о России. Сейчас не Бог – «наше всё», не Пушкин, а миг успеха и наслаждения «моей» жизни. *Миг – наше Всё.*

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Эксмо, 2007. 76 с.
2. Гачев Г. Русский эрос. М.: Эксмо, 2004. 297 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 26. Л.: Наука, 1984. 512 с.
4. Зиммель Г. О сущности культуры. М.: Прогресс; Гнозис, 1991. 612 с.
5. Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. М.: Русская книга – XXI век, 2007. 472 с.
6. Казаков Е. Ф. Генезис душевной жизни. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. 461 с.
7. Лосский Н. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. 480 с.
8. Лосский Н. Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. 361 с.
9. Одоевский В. Ф. Русские ночи. Л.: Наука, 1975. 186 с.
10. Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М.: Прогресс; Гнозис, 1991. 198 с.
11. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: Наука; Сибирская издательская фирма, 1993. 592 с.

Информация об авторах:

Золотухин Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии, политических отношений, права КузГТУ им. Т. Ф. Горбачева, zvm64@mail.ru.

Vladimir M. Zolotuhin – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology, Political Relations and Law, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University.

Казаков Евгений Фёдорович – доктор культурологии, профессор кафедры философии КемГУ, kemcitykazakov@mail.ru.

Evgeniy F. Kazakov – Doctor of Culturology, Professor at the Department of Philosophy, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 16.08.2014 г.